

И. С. ЛУКАШ

Иван Созонтович Лукаш
Заветный перстень
Серия «Со старинной полки»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2465225

Аннотация

«...Заветный перстень – это, как кажется, невнятный отзвук неразгаданной любви поэта, отрывок его неведомого романа. Что дошло до нас: рисунки пером, строгие и печальные профили женских головок в рабочих тетрадях Пушкина, немного записок, две-три пометки, старинные портреты и вот перстень...»

Иван Созонтович Лукаш

Заветный перстень

На горячих смуглых пальцах Пушкина колец не было. Но на известном портрете работы Тропинина на большом пальце правой руки поэта надет широкий темный перстень. И на другом портрете, работы Мазера, – тот же перстень на большом пальце левой руки.

Легенда пушкинского железного кольца стала легендой о величии и красоте русской словесности. Помню, я был еще гимназистом, когда слышал о том, что железный перстень, по тайному завещанию поэта, наденет только достойный преемник. И помню – об этом даже писали – перстень Пушкина перешел будто бы не только к Жуковскому и Тургеневу, но, миновав Достоевского, украсил и руку Толстого. По гимназической наивности своей я тогда размышлял: кто же теперь носит пушкинский перстень – Александр ли Блок, Леонид ли Андреев или, быть может, его носил Чехов...

Но другая история у пушкинского кольца – более тайная и более странная, чем эта легенда.

Заветный перстень – это, как кажется, невнятный отзвук неразгаданной любви поэта, отрывок его неведомого романа. Что дошло до нас: рисунки пером, строгие и печальные профили женских головок в рабочих тетрадах Пушкина, немножко записок, две-три пометки, старинные портреты и вот пер-

стеня...

В 1823 году Пушкин, жизнерадостный юноша, получил наконец разрешение от новороссийского генерал-губернатора графа Михаила Воронцова перебраться из постылого Кишинева в Одессу. И в первых числах июля молодой поэт, сменив красную феску и архалук, который он носил в Кишиневе, на европейский сюртук и широкополую шляпу, беззаботно зазвенел своей железной тростью по белым от известковой пыли одесским мостовым.

Он радовался морю, веянию Европы, и он радостно ждал в Одессу своего друга Александра Раевского.

Дерибасовская улица только отстраивалась, но на углу ее и Преображенской уже высился белый дворец графа Воронцова. Тянулись одноэтажные низкие дома с белыми дорическими колонками. Ветер раздувал в открытых окнах кисейные занавески, как легкие белые флаги. Хлебные магазины, заборы, фонари и будочки, пехотные офицеры, провиантские чиновники, греки, бронзовые молдоване, турки в красных кушаках и фесках, негоцианты в соломенных круглых шляпах, облака белой пыли и мерное качанье корабельных мачт в гавани...

Был и театр, итальянская опера, Россини, в Ришельевском лицее печаталась иностранная газета «*journal d'Odessa*», были кафе, рестораны, масонская ложа.

Молодой Пушкин, ссыльный чиновник генерал-губернаторской канцелярии, радостно окунулся в блеск и шум этой

жизни, пестрой и внутренней, как трепет цветных флажков на мачтах иностранных кораблей.

Он жил на углу Ришельевской, во втором этаже гостиницы Рено, занимая там угольный фас с балконом, откуда просторный вид на море. И сам он говорил о себе:

Я жил поэтом,
Без дров зимой, без дрожek летом...

И о веселом безденежье его еще в сороковых годах записан такой добродушный рассказ старого одесского извозчика. «Был тут в графской канцелярии один Пушкин. Бывало, больно задолжает. Возил его к морю. Придет на берег, посидит, походит час-полтора, потом назад. Вот возил его раз на дачу Рено. Следовало мне пять рублей. Говорит: «В другой раз отдам». Прошло с неделю. Выходит: «Вези на хутор Рено». Повез опять. Следовало уже десять рублей, а он и в этот раз не отдал. Возил его и в третий. И опять в долг. Прошла неделя, прихожу я к нему на квартиру. Жил он в клубном доме, на втором этаже сверху, над магазином Мирабо. Вхожу в комнату: он брился. Я к нему: «Ваше благородие, деньги пожалуйста». Как ругнет он меня да как бросится на меня с бритвой. Свирепый был. Я бежать, давай Бог ноги. Думаю себе: пропали деньги. Только раз утром гляжу – тут же и наша биржа – Пушкин растворил окно, зовет всех, кому должен. Прихожу и я: «На вот тебе по шести рублей за каждый

раз, да смотри впредь не совайся...»

А у Одесского театра были развалины старого дома. И на камнях и обломках колонн зрители в антрактах романтически лакомились мороженым из соседней ресторации. Может быть, тут впервые Пушкин и встретил Амалию Ризнич.

Ризнич, богатый негоциант из сербов, привез молодую жену из Вены. Была она полунемка, полуитальянка с примесью, быть может, и еврейской крови, пламенные глаза, белизна шеи, высокий рост, странный костюм амазонки... Словом, молодой Пушкин увлекся, и не он один. Соперник его, поляк Собаньский, которого звали в шутку князем Яблоновским, также не отходил от Ризнич.

Муж ее, умный серб, много позже рассказывал: «Пушкин страстно привязался к госпоже Ризнич. Пушкин увивался за нею точно котенок».

А брат поэта, Лев Сергеевич, уверяет, что Пушкин однажды «в бешенстве ревности пробежал пять верст с обнаженной головой под палящим солнцем, под 35 градусами жары».

«Но госпожа Ризнич была к нему равнодушна», – много позже рассказывал ее муж.

И мы знаем, как Ризнич заболела в Одессе чахоткой и как за нею уехал во Флоренцию, следить ее печальное умирание, соперник Пушкина князь Яблоновский.

Душа поэта горько запечатлела эту встречу, но вскоре все забыла, подхваченная новой, внезапной волной. В Одессу приехал наконец долгожданный друг: полковник в отставке

Александр Раевский.

Сын знаменитого бородинского генерала, участник европейских походов и взятия Парижа, блестящий офицер и холодный скептик, он был четырьмя годами старше Пушкина. И, кажется, он играл доверчивой привязанностью друга. Его холодному самолюбию, вероятно, льстило почти преклонение молодого Пушкина перед его изящными манерами, тонкой насмешкой и рассеянностью военного денди.

Они встречались в Царском Селе, в Санкт-Петербурге, они вместе путешествовали по Крыму. Сблизились. И Пушкин, может быть, так же по-детски привязался к этому человеку, как к Ризнич, – точно котенок.

«Как он холоден, – говорил о сыне Александре старик Раевский, – я не нахожу в нем любви. У него ум наизнанку. Он не рассуждает, а спорит, и речь его полна сарказмов».

И все же этот блестящий офицер с насмешливо холодными, слегка прищуренными глазами и с высоким бледным лбом стал каким-то учителем жизни для Пушкина.

Может быть, старый боевой генерал и был прав, что нет в душе его сына любви, но увлечение глубокое и сильное в ней было.

Печальный ветер, тайное влечение пригнали Раевского в Одессу. В парижском походе он был адъютантом графа Воронцова. А с его женой, графиней Елизаветой Ксаверьевной, урожденной Броницкой, встречался в поместье ее матери – Белой Церкви, когда Елизавета Ксаверьевна не была еще за-

мужем. И там он увлекся ею, там, может быть, полюбил...

Графиня Елизавета Ксаверьевна, что мы знаем о ней... Тогда ей было уже за тридцать. И на старинных портретах влажно и тихо сияют ее темные глаза, ее улыбка нежна, и нежная и как бы бессильная линия у ее руки.

Вигель предостерегал поэта: «По африканскому происхождению вашему мне хочется сравнить вас с Отелло, а Раевского – с неверным другом Яго». Но Пушкин только смеялся. И прямо записывает граф Капнист: «Пушкин служил для Раевского только прикрытием в его любовной истории в графском доме»...

Так началось, а потом... потом мы знаем глухие отрывки, горячие взрывы стихов, сожженные письма, нежный и строгий профиль в пушкинских тетрадях и этот перстень.

Все чаще, чаще стал мелькать в одесских бумагах поэта профиль прекрасной женской головки. На целые часы убегал Пушкин к морю, с грустной шуткой называл при встречах графиню Воронцову *la princesse belvetrille*, оттого, может быть, что она, глядя в морскую даль, любила повторять задумчивый стих Жуковского:

Не белеют ли ветрила, не плывут ли корабли...

Быть может, по морскому берегу они бродили вдвоем, быть может... Но это только догадки, что Пушкин полюбил Воронцову. Только догадки, но в это ведь время вырвались у

поэта его опаляющие, страшные стихи о Демоне, о злом гении, тайно навещающем его и вливающим ему в душу холодный яд. И мы догадываемся, и всем чудится за этими строками высокий офицер с бледным лбом, с насмешливо-холодным прищуренным взглядом: Раевский. Есть и прямое свидетельство. Китти Раевская рассказывает в своих записках о брате: «Заметив свое влияние на Пушкина, брат стал трунить над ним, изображая разочарованного, над всем глумающегося человека. Поэт поддался искусной мистификации и написал своего «Демона». Но так ли трунил Раевский и не мучил ли он Пушкина? В бумагах, в черновых набросках найден не один вариант «Демона», и все они – как глухие раскаты какой-то неведомой нам драмы, которую и Пушкин, и Раевский унесли с собой в могилу.

Мне было грустно, тяжко, больно,
Но, одолев меня в борьбе,
Он сочетал меня невольно
Своей таинственной судьбе,

– признается Пушкин в одном отрывке, и в другом: «Затейливо язвил пугливое воображенье, гордую забаву находил в тоске, рыданиях, унижений цепь накиннул и сонного врагу предал со смехом».

И в странном сочетании со стихами о «Демоне» навеки сплелись стихи «Ангел», написанные графине Елизавете Воронцовой. Вы помните их:

В дверях Эдема Ангел нежный
Главой поникшею сиял...

Ей было за тридцать, ее улыбка была нежна, и на старинных портретах еще не погас тихий блеск ее темных глаз.

Пушкин понял, какой зловещий образ запечатлен в его друге Раевском, и Пушкин очнулся: ведь все началось с веселой любовной шутки, с приятельского обмана для того, чтобы Воронцов не заметил за Пушкиным Раевского.

Но любовь отмстила, и Пушкин полюбил сам, и в его записях сокровенных женских имен рядом с именем Ризнич тогда-то было записано ее имя: Эльза.

Граф Воронцов, надменный англоман, пошел на обман Раевского. Вероятно, именно в этом скрытые причины высылки Пушкина из Одессы. Мы не знаем, что было между ними. Нам осталась только известная и вряд ли справедливая пушкинская эпиграмма на Воронцова – «полу-герой, полу-невежда»¹, только два-три злых слова графа о Пушкине, но вот Пушкин высылается из Одессы по причинам обнаруженного письма его об «афеизме».

И тогда сама графиня Воронцова настояла перед мужем на высылке Александра Раевского. И вскоре тот также покинул город...

И в село Михайловское Пушкин привез подарок графи-

¹ Так у автора.

ни: тяжелый перстень с осьмигранным желтоватым сердоликом, на котором была вырезана по-еврейски надпись: «Симха, сын достойного Ребби Иосифа, да будет благословенна его память». Не из железа, а из золота был заветный перстень Пушкина.

Второй такой перстень остался у графини. Они обменялись кольцами.

Нередко в глушь Михайловского шли из Одессы письма. Сестра поэта, Павлищева, рассказывает: «Когда приходило из Одессы письмо с печатью, украшенную точно таким же кабалистическим знаком, какие находились на перстне брата, – Александр запирался в своей комнате, никуда не выходил, никого не принимал».

Не жег ли он ее писем за запертыми дверями и не звуки ли его горячих рыданий долетели до нас в его стихах «Сожженное письмо»? Вы помните:

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал: гори, письмо любви.

И дальше:

Уж перстня верного утратя впечатленье,
Растопленный сургуч кипит...

Пушкин хоронил свою любовь: растопленный сургуч, пепел милой, сумрачный блеск заветного перстня. И все.

Намеки, горка пепла, торопливые записи в черновиках. Но кажется, что в графине Елизавете Воронцовой встретил Пушкин любимую, ту единую, у которой так много имен и всегда одно. Как ребенок, как котенок, весело бежал Пушкин за всеми призраками, но всегда искал одну. Список сокровенных женских имен все удлиняется, все удлиняется и дойдет он до 113-й: до Наташи Гончаровой. Но встретит ли Пушкин любимую?

И графиня Воронцова с бессильною линией рук и с глазами тихими и глубокими, как сияние влажных звезд, не была ли той, которую искал поэт? Но дорогу к ней пересекла ему зловещая тень. И рядом с Ангелом нежным всегда будут холодно усмехаться прищуренные глаза бледного Раевского, того Демона, который, по признанию, одолел Пушкина в какой-то борьбе...

И в зимнюю ночь или когда мело по дорожкам Михайловского желтые листья, тусклое золото осени, а серое небо грустно светилось в серых глазах поэта, написал он свой «Талисман». Вы помните его последние строфы:

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя —
Милый друг! от преступления,

От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!

И в черновых бумагах под этим стихотворением он сделал пять сургучных оттисков коронкой заветного перстня, точно запечатлев свое заклинание...

Тогда он работал над «Евгением Онегиным». И строгий женский профиль с головкой, несколько наклоненной вниз, как в строфе «В дверях Эдема Ангел нежный главой поникшею сиял», так обильно встречается теперь на страницах пушкинских тетрадей. И от этих дней дошли до нас его слова, его признание: «Я любил с таким тяжелым напряжением, с такою нежною, томительной тоской, с таким безумством и мученьем»...

А Раевский из Одессы уехал в Белую Церковь, куда отправилась гостить и Воронцова. Раевский пишет из Белой Церкви Пушкину: «Пишу с ее согласия: нежная и добрая душа ее сознает тут только несправедливость, жертвой которой ты стал. Она высказала мне с чувством и грацией, свойственной характеру Татьяны...». Это, по-видимому, относительно высылки Пушкина из Одессы, но замечательно в этом письме то, что графиня Воронцова названа именем Татьяны.

И не запечатлел ли поэт в высочайшем своем образе – в Татьяне светлой и печальной – образ своей неразгаданной любви, от которой остались только горка легкого пепла да

заветный перстень?

А годы шли. Все удлинялся список женских имен и вот дошел наконец до 113-й, роковой: Наташи Гончаровой.

Была ли Наташа найденной любовью его? Думаю я, что нет. Пушкин забыл завет перстня-талисмана – «когда коварны очи очаруют вдруг тебя», и рассмеялся Пушкин навстречу ослепительному холоду плеч Наташи: «Я влюблен, я влюблен, я очарован, но, словом, я огончарован». А своему другу Кривцову он же пишет, что женитьба его «без упоенья, без ребяческого очарованья». И князю Вяземскому после помолвки признается: «мое сердце и теперь не совсем счастливо», и матери невесты поведал он свою пророческую тревогу: «сохранит ли Наташа сердечное спокойствие среди окружающего ее удивленья, поклоненья, искушений? Не явится ли у нее сожаленья? Не будет ли она смотреть на меня как на препятствие, как на человека, обманом ее захватившего?» И, будучи женихом, в разлуке получал Пушкин ответы Наташи, такие милые и такие равнодушные. «Она мне пишет, – сообщает он Вяземскому, – очень милое, хотя бес-темпераментное письмо». Точно Пушкин забыл, что шестнадцатилетняя Наташа еще не женщина, а полуребенок. Наташа, последняя из ста тринадцати, только новая женщина для Пушкина. Через месяц после свадьбы он уже будет говорить ей: «Какая ты дура, мой ангел». Много женщин было у Пушкина, но не было любви. В любви он не был гениален. Однажды в Одессе, когда он приятельски помогал Раевско-

му, любовь уже отмстила ему. И вот мстит снова. Когда был Пушкин в Москве, гадала ему тамошняя гадалка немка Киргоф: «Берегись на 37-м году белого человека»... И вот белый человек пришел; Жорж Дантес, белокурый кавалергард в белом мундире тех времен. Так легко оскорбить память мертвых. А Дантес – убийца Пушкина, и, значит, он виноват. Но только ли казарменным Дон Жуаном и грубым ловеласом был этот француз? Не вернее ли, что он по-своему, но полюбил Наташу Гончарову? Ее простая душа почуяла настоящую любовь, идущую на нее. Она дрожала, она билась в страхе перед нею, она звала Пушкина бросить Санкт-Петербург и бежать в деревню. А Пушкин?.. У Пушкина больше ревности, чем любви было к Наташе. Графиня Строганова как-то обмолвилась после одного бала, где Наташа танцевала с Дантесом: «У Пушкина такой страшный вид, что будь я его женой, я не решилась бы вернуться с ним домой».

И не только ловеласничеством на балах было увлечение Дантеса, если все, и Николай I, следили и чувствовали, как надвигается что-то неотвратимое на поэта. «Давно должно ждать, – говорил потом Николай I, – что дуэлью кончится их неловкое положение...»

А этот крик страдания, который вырвался у Пушкина, когда он понял все: «Il l'a troublee» («Он ее взволновал»).

Пушкин, может быть, понял, что Дантес стал пусть заурядной и банальной, но первой любовью Наташи, потому что ведь сам Пушкин признавался, что Наташа осталась к

нему равнодушна.

И когда в детской спальне подходил Пушкин на цыпочках и крестил своих рыжего Сашку и Машку, когда ночью, на коленях, он тихо плакал над ними, может быть, думал он, что жизнь не дала ему найти любимой и что трагически он ошибся и в свой сто тринадцатый раз, а если не ошибся, если любовь наконец пришла, то для того только, чтобы быть оборванной так внезапно и грозно.

И обманул его заветный перстень, и не сохранил талисман.

Ни измены, ни коварства нет на чистой памяти Наташи Гончаровой. Мы знаем об одном только частном свидании Наташи с Дантесом, со слов ее дочери. А разве матери рассказывают дочерям о своих любовных свиданиях? Но верно кажется то, что ее холодные уста, уста чистейшей Мадонны, целовали его не любя...

2 февраля 1837 года был вынос тела Пушкина.

В квартире, в кабинете покойного, еще качался тусклый дым ладана, плавало горькое дыханье панихид. Паркет был заслежен мокрым снегом.

И тогда-то к письменному столу поэта тихо подошел старик Жуковский. Его мягкое, чуть опухлое лицо было в красных пятнах от слез. Он взял со стопки серых бумаг золотой перстень с осьмигранным сердоликом. Такова была предсмертная воля почившего...

И перстень тихо хранился у Жуковского до конца его

дней. А сын Жуковского, Павел Васильевич, в семидесяти годах передал это обманное кольцо Тургеневу.

Вы помните, как больной и старый Тургенев, с оборванными пуговицами на потертом пальто, бездомной кукушкой доживал свой век в чужих краях у Полины Виардо.

Тургенев, надевший кольцо поэта, тоже не встретил любимой. Он был только грустным приживальщиком в любви чужой.

А когда умер одинокий Тургенев, этот перстень, обманувший поэта, не оборонивший его от сердечных, от последних ран, был отдан Полиной Виардо Пушкинскому музею при Александровском лицее.

Уже давно умерли все герои истории заветного перстня. В 1868 году одиноким умер в Ницце Александр Раевский.

И только в 1880 году скончалась героиня ненайденной любви поэта Елизавета Ксаверьевна Воронцова. «До конца дней своих, – рассказывает Бартенев, – ежедневно читала она сочинения Пушкина. А когда зрение ей изменило, она просила читать вслух, и притом подряд, так, что когда кончались все тома – чтение возобновлялось с первого»...

Постарелый, морщинистый и ослепший Ангел Нежный служил Пушкину какую-то непрерывную тихую литургию до самой могилы.

Они все умерли: пожелтели записки, рисунки пером, старинные портреты, где еще и теперь влажно и тихо сияют темные глаза, да перстень – вот легкая тень неразгаданного пуш-

кинского романа.

А потом и перстень исчез.

За несколько лет до революции, как рассказывает Евдокимов, лицейский дядька украл из витрины две рукописи и перстень Пушкина, сбыв их одному петербургскому старьевщику.

Когда воровство обнаружилось, бросились по горячим следам на поиски. Все рукописи будто бы удалось вернуть, но перстня у старьевщика уже не было.

Администрация лицея предпочла не предавать пропажу огласке. И перстень подменили грубой подделкой. Но подлинное пушкинское кольцо еще видели в музее и покойные профессор Шляпкин и профессор Хвольсон, прочитавший на нем древнюю надпись...

Когда я был гимназистом, я слышал легенду, что этот зловещий перстень должен украсить руку достойнейшего из достойных преемников Пушкина. Но вот, вы слышите, заветный пушкинский перстень украден, исчез.